

В. В. Носков

ОТ «ПАЛЛАДЫ» ДО «АВРОРЫ»: РУССКИЕ КРЕЙСЕРА В МАНИЛЕ

История русско-филиппинских отношений небогата яркими событиями. Тем примечательнее, что в самые драматические моменты истории России Манила становилась убежищем для знаменитых кораблей русского флота. Жители филиппинской столицы видели на манильском рейде и фрегат «Паллада», увековеченный пером И.А. Гончарова, и крейсер «Аврора», овеянный революционной романтикой. «Паллада» пришла в Манилу в самый канун Крымской войны, «Аврора» оказалась там в разгар русско-японской войны. Две неудачные войны явились важнейшими вехами в российской истории, они обозначили крайние даты той особой эпохи, когда Россия пыталась укрепиться на берегах Великого океана, который по праву считался океаном будущего. Цусимская катастрофа положила конец этим надеждам и круто изменила ход развития России, развернув его от тихоокеанских просторов в европейский тупик.

В России первыми обратили внимание на Филиппины деятели Российско-американской компании. В секретном предписании правителю Русской Америки А.А. Баранову от 20 июля (1 августа) 1806 г. Н.П. Резанов указывал, что одним из главных источников снабжения владений РАК могут стать «Филиппинские острова, где Маниль — порто-франко и куда, сделав первый опыт, можно в изобильном привозе хлеба быть уверену» [Россия и США 1980: 294]. Проект установления торговых связей между российскими владениями в северной части Тихого океана и Филиппинами выдвигал также американский торговец П. Добель, поступивший на службу Российской империи. В 1818 г. он добился своего назначения консулом России в Манилу, однако не был признан испанскими властями, а во время кратковременного пребывания там убедился в беспочвенности своих надежд на

выгодную торговлю с Филиппинами [Русский биографический словарь: 468–469; Dobell 1842: 266–294].

Крымская война поставила морское ведомство России перед необходимостью найти способ противодействия британскому преобладанию на морях. Средство было найдено в создании крейсерского флота на Тихом океане, представлявшего реальную угрозу британским колониям и торговле в этой части света. Толчком к развитию крейсерской доктрины русского флота послужила угроза войны с англо-французской коалицией, а первым русским командиром, попытавшимся применить ее на практике, был вице-адмирал Е.В. Путятин, возглавивший в 1852 г. военно-дипломатическую миссию в Японию. До начала 1853 г. фрегат «Паллада», направленный в японские воды, задержался в Англии. Идти в это время года привычным путем вокруг мыса Горн было опасно. «Поэтому я решаюсь отправиться отсюда прямо на мыс Доброй Надежды, а оттуда Зондским проливом войти в Китайское море. Следующим после мыса Доброй Надежды местом пристанища я избираю Манилу, а оттуда отправляюсь к островам Бонин-Сима», — докладывал Путятин адмиралу А.С. Меншикову. Однако трудности плавания через Индийский океан заставили его отказаться от намерения идти прямо в Манилу, избрав более безопасный путь вдоль берегов Азии [Энгельгардт 1986: 726–728].

В Англии Путятин приобрел паровую шхуну «Восток», командиром которой был назначен капитан-лейтенант В.А. Римский-Корсаков, а на о-вах Бонин к двум его кораблям присоединились корвет «Оливуца» (капитан-лейтенант И.Ф. Лихачев) и барк «Князь Меншиков» (лейтенант И.В. Фуругельм), предоставленный Российско-американской компанией в качестве транспортного судна. Таким образом, к концу июля 1853 г., когда тучи на международном небосклоне Европы начали сгущаться, под командой Путьятина оказалась целая эскадра. Явившись с ней в Нагасаки, русский адмирал начал переговоры с японскими властями, но дело продвигалось медленно, поэтому Путятин решил прервать свою дипломатическую миссию и идти в Манилу, рассчитывая в течение зимы 1853/54 г. отремонтировать там свои корабли, а весной, исходя из обстоятельств, либо вернуться в Японию, либо, в случае войны с западными державами, начать крейсер-

ство в Тихом океане. Обещание японцев дать скорый ответ задержало исполнение этих планов, но известия о начале войны с Турцией и вступлении в Босфор англо-французской эскадры побудили Путятину предпринять задуманный им поход в Манилу [Энгельгардт 1986: 733–735].

«Сколько помню, адмирал и капитан (командир фрегата капитан 2 ранга И.С. Унковский. — *В.Н.*) неоднократно решались на отважный набег к берегам Австралии для захвата английских судов, и кажется, если не ошибаюсь, только неуверенность, что наша старая добрая “Паллада” выдержит еще продолжительное плавание от Японии до Австралии, удерживала их, а еще, конечно, и неуверенность, по неимению никаких известий, застать там чужие суда», — вспоминал И.А. Гончаров. Из Нагасаки корабли ушли «в Манилу — все еще в неведении о том, в войне мы уже или нет — и с каждым днем ждали известия и в каждом встречном судне предполагали неприятеля» [Гончаров 1986: 566]. Тем временем с Балтики в Тихий океан были направлены еще два корабля российского флота — фрегаты «Аврора» и «Диана». Командир «Востока» писал в связи с этим: «Если успеют с нами соединиться фрегаты “Аврора” и “Диана”, то мы можем много наделать хлопот нашим неприятелям, потому что тогда мы будем в состоянии держать в страхе всю английскую торговлю в Тихом океане. Если это состоится, то для ловли купчиков нет лучше судна, как мой маленький “Восток”» [Римский-Корсаков 1980: 132–133].

В официальном отчете о плавании эскадры сообщалось: «24 января 1854 года Генерал-Адъютант Путятин с вверенным ему отрядом судов оставил Нагасаки с целью отправиться в Манилу, дав при этом шкуне “Восток” особое назначение в Шанхай» [Морской сборник 1856: 160]. 16 (28) февраля 1854 г. русские корабли вошли «в Манильский залив, один из крупнейших в мире». Через неделю в Манилу пришел также «Восток». Именитый летописец похода «Паллады» отмечал: «Манила! Добрались и до нее, а как кажется это недосыгаемо из Петербурга!» [Гончаров 1986: 404–405]. В его представлении это был «испанский город — город большой, город сонный и город очень приятный». Русского писателя «удивил вид благоустроенности,

чистоты: везде видны следы заботливости, даже обилия» [Гончаров 1986: 415]. От внимания Гончарова не ускользнуло и то, что в Маниле «в магазине корабельных запасов, продаются *русские* пеньковые снасти, предпочитаемые всяким другим на свете» [Гончаров 1986: 439]. Вместе с тем в письме Е.П. и Н.А. Майковым 14 (26) марта 1854 г. он жаловался, что «путешествие надоело мне, как горькая редька, до того, что даже Манила, куда мне хотелось и где мы пробыли недели две, едва расшевелила меня, несмотря на роскошную растительность, на отличные сигары, на хорошеньких индианок и на дурных монахов» [Гончаров 1986: 691].

Первым неприятным сюрпризом для Путятина оказалось присутствие в гавани французского парохода «Кольбер». Да и испанские власти без восторга отнеслись к появлению русской эскадры в филиппинских водах в тот момент, когда в Европе назревала большая война. Испания переживала в те годы нелегкие времена, дипломатические отношения с Россией были прерваны из-за отказа Санкт-Петербурга признать права королевы Изабеллы II на испанский престол, а помимо того столкновение России с западными державами неизбежно превращало Тихий океан в театр военных действий, что ставило под угрозу нейтралитет «тропической Испании». По сведениям французского посла в Китае, у русского адмирала с самого начала не сложились отношения с генерал-губернатором Филиппин. Губернатор Мануэль Павия-и-Лай не только отказался предоставить русским морякам место для организации капитального ремонта кораблей, но и потребовал, чтобы они в трехдневный срок покинули порт. Надежды Путятин, который предполагал надолго обосноваться в Маниле, не оправдались, а вместе с тем рушились и все планы крейсерской войны в Тихом океане, похода в Австралию и другие его замыслы. В довершение всего до адмирала дошли слухи о скором появлении в Маниле британской эскадры. Становилось ясно, что с уютным тропическим портом, который совсем недавно так привлекал русских моряков, следовало как можно скорее расстаться [Энгельгардт 1986: 736–737].

И.А. Гончаров писал в связи с этим: «В этой неизвестности в войне пришли мы и в Манилу и застали там на рейде военный

французский пароход. Ни мы, ни французы не знали, как нам держать себя друг с другом, и визитами мы не менялись, как это всегда делается в обыкновенное время». А «перед уходом узнали, что там ожидали английскую эскадру». Поскольку «мы могли встретить ее или французские суда в море и может быть уже с известиями об открытии военных действий, то у нас готовились к этой встрече и приводили фрегат в боевое положение» [Гончаров 1986: 566]. Своим друзьям Гончаров сообщал: «Мы узнали в Маниле, что английский и французский флоты уже вошли в Черное море и, следовательно, война почти неизбежна, вот мы и тягу оттуда, чтобы не пришли английские суда вдвое сильнее наших и не взяли нас» [Гончаров 1986: 693]. «Мы вышли из Манилы 27-го февраля вечером и поплыли опять теми же штилями вдоль Лусона, какими пришли туда», — вспоминал он [Гончаров 1986: 448–449].

Путятин отправил транспорт на разведку в Шанхай, шхуну — на осмотр островов Батан к северу от Филиппин, а корвет и фрегат 11 (23) марта бросили якоря в бухте Пио-Квинто на о. Камигин, расположенном близ северного побережья Лусона. В письме Е.А. и М.А. Языковым 13 (25) марта 1854 г. Гончаров сообщал: в Пио-Квинто нашли убежище «наши два судна, прячась от англичан. Если у нас с ними война, то, конечно, они не замедлят явиться из Китая со всеми своими фрегатами и пароходами в Восточный океан искать и взять нас. Наши отдаваться не намерены, предпочитая, если не одолеем, взлететь на воздух. Не одно опасение встретиться с англичанами заставило нас зайти на этот покрытый сильною тропическою растительностью, но безлюдный остров: судно наше все более и более напоминает, что ему пора на покой», — добавлял он [Гончаров 1986: 687]. Здесь к «Палладе» и «Оливуце» присоединился «Восток». На русских кораблях проводились боевые учения, «чтоб видеть действие артиллерийских снарядов в случае встречи с англичанами» [Гончаров 1986: 455]. От Филиппинских островов эскадра Путятинна направилась на север, к берегам русского Дальнего Востока, у которых «Паллада» завершила свою славную историю.

В последующие годы русские корабли продолжали изредка посещать Филиппины. Весной 1883 г. в Маниле высадился Н.Н. Миклухо-Маклай после разведывательного рейда корвета

«Скобелев» по островам Океании, на которых он предлагал создать базы для русских крейсеров. В 1885 г., в разгар русско-английского конфликта по поводу границ Афганистана, в Манилу заходил клипер «Крейсер», шедший на соединение с тихоокеанской эскадрой [Сулига 1994: 14]. Однако испанская колония не привлекала такого внимания командования русского флота, как владения других держав, которые могли стать объектом атаки в случае новой войны в Европе, или отдаленные острова Океании, которые могли послужить пунктами снабжения или убежищем для русских крейсеров. С этой точки зрения русских моряков интересовали другие испанские колонии в Тихом океане, находившиеся под управлением филиппинской администрации, — Каролинские и Марианские острова. Однако после обследования некоторых из них русскими крейсерами ни один из принадлежавших Испании островов не был признан пригодным для использования в военно-морских целях [Носков 1998: 250–255].

К концу XIX в. морская доктрина России была радикально пересмотрена под влиянием перемен, произошедших в международной ситуации на Дальнем Востоке. Грядущее столкновение с Японией требовало других кораблей, чем ожидавшаяся на протяжении полувека война с Англией. От развития крейсерского флота Россия переходила к построению броненосного. В новых условиях ей требовались крейсера иного типа, чем прежде. Теперь основу крейсерских сил составляли не океанские рейдеры, предназначенные к самостоятельным действиям на морских просторах, а более современные корабли, способные действовать в составе броненосных эскадр. К этому типу принадлежала и «Аврора», и другие новые крейсера, укryвшиеся после Цусимы в филиппинской гавани.

Сама Манила к началу XX в. полностью преобразилась и представляла собой уже совершенно другой город по сравнению с тем, который видели моряки «Паллады». Испано-американская война 1898 г. превратила бывшую столицу «тропической Испании» в форпост США у берегов Дальнего Востока. Не возражая против перехода Филиппин к Соединенным Штатам, российская дипломатия тем не менее внимательно следила за сменой хозяев в Маниле. Российский посол в Вашингтоне А.П. Кассини в сек-

ретном донесении министру иностранных дел М.Н. Муравьеву от 10 (22) июня 1898 г. отмечал: не страшно, если Филиппины окажутся «в руках наших старых друзей американцев в том виде, в каком мы их любим и ценим. Но переход тех же самых Филиппин в руки американцев, друзей и возможных союзников в будущем Великобритании, — совершенно меняет вопрос» [Красный архив 1932: 141]. «Соединенные Штаты фактически совершили уже занятием Люсона вторжение в азиатскую махтсферу интересов европейских держав», — констатировал бывший консул России в Батавии М.М. Бакунин [Бакунин 1902: 272]. Непосредственное вовлечение США в международное соперничество на Дальнем Востоке придавало ему дополнительную остроту, что не могло не вызывать беспокойства в Санкт-Петербурге. Одним из первых проявлений нового порядка вещей стало противостояние американской и германской эскадр в Манильском заливе в тот момент, когда после разгрома Испании решалась дальнейшая судьба Филиппин. В феврале 1899 г. Кассини сообщал по этому поводу: в Америке «общественное мнение и пресса не переставали считать, что нечто весьма серьезное готовится между Соединенными Штатами и Германией на Филиппинах и на Самоа, где будто бы положение осложнялось все более и более». «Опасения эти оказались, к счастью, лишены оснований», — добавлял посол [АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. № 110. Л. 59].

Противниками, столкнувшимися в следующей войне на Дальнем Востоке, стали не Германия и США, а Россия и Япония. В решающем сражении русско-японской войны у Цусимы принимали участие крейсера 1 ранга «Олег» (капитан 1 ранга Л.Ф. Добровровский) и «Аврора» (капитан 1 ранга Е.Р. Егорьев), которые входили в состав отдельного крейсерского отряда под командованием контр-адмирала О.А. Энквиста. В ходе боя оба корабля получили тяжелые повреждения и понесли серьезные потери. Среди погибших был и командир «Авроры», а временное командование кораблем принял на себя капитан 2 ранга А.К. Небольсин. В ночь на 15 (28) мая 1905 г. крейсера оторвались от основных сил русского флота. Когда корабли Энквиста вышли из боя, за ними последовал также крейсер 2 ранга «Жемчуг» (капитан 2 ранга П.П. Левицкий), который находился при броненосной эскадре,

а затем действовал совместно с другими крейсерами. Флагманом отряда стала «Аврора», на которую Энквист перенес свой флаг с «Олега».

Не имея шансов уйти в российские воды и не рискуя идти в Шанхай, адмирал принял решение направиться в Манилу, надеясь произвести там необходимый ремонт, пополнить запасы угля, а уже затем прорываться во Владивосток [Поленов 1987: 126]. По свидетельству, приводимому летописцем скорбного похода русского флота, Энквист заявил при этом: «Мы направляемся с отрядом в Манилу. Американские власти отнесутся к нам лучше, чем китайские: мы исправим повреждения, не разоружаясь». 20 мая (2 июня) русские корабли зашли в филиппинский порт Суал, «но в нем не оказалось ни угля, ни провизии, ни мастерских. Порт был заброшен американцами». На следующий день у берегов Лусона произошла встреча с американскими кораблями. «Дружественная эскадра сделала поворот на шестнадцать румбов и пошла вместе с отрядом русских крейсеров, держа на их траверзе, но значительно мористее. Как впоследствии выяснилось, американцы, узнав из телеграфных сообщений, что к Филиппинам приблизились остатки русского флота, нарочно выслали два броненосца и три крейсера, чтобы взять их под свою защиту в случае появления японцев в нейтральных водах» [Новиков-Прибой 1963: 397–399]. Данные, приводимые А.С. Новиковым со слов моряков, служивших на крейсерах, свидетельствовали о живучести веры в «историческую дружбу» между Россией и США, которая утвердилась на русском флоте со времен «Американской экспедиции» 1863–1864 г. Однако действительность не оправдала надежды русских моряков. С самого начала войны правительство США заняло прояпонскую позицию, формально сохраняя нейтралитет и стремясь поддерживать внешне дружественные отношения с Россией.

Утром 21 мая (3 июня), незадолго до встречи с американцами, тело командира «Авроры» упокоилось в морской пучине у берегов Лусона примерно в 100 милях к северу от Манилы [Поленов 1987: 129–130]. К вечеру того же дня русские крейсера в сопровождении американской эскадры вошли в Манильский залив [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 13; Annual Reports 1905: 487].

На следующий день Энквист встречался с командующим Азиатским флотом США контр-адмиралом Ч.Дж. Трэном и просил его дать необходимый срок для ремонта кораблей, приемки топлива, воды и провизии для дальнейшего плавания. Американский адмирал, указав, что окончательное решение остается за Вашингтоном, заявил: «Насколько он понимает существующие постановления американского правительства относительно захода судов воюющих держав в американский порт, правительство должно дать срок для приведения судов в состояние, обеспечивающее им безопасное плавание, и разрешить принять необходимые запасы угля и прочих предметов в количестве, достаточном для того, чтобы дойти до первого русского порта». Тяжелораненые русские моряки были списаны в морской госпиталь, а в помощь американским медикам был направлен судовой врач с «Олега» О.О. Ден. Все русские корабли имели тяжелые повреждения. По заключению американской технической комиссии для ремонта «Олега» требовалось 60 дней, «Авроры» — 30, «Жемчуга» — 7 [Поленов 1987: 130].

В ожидании решения правительства США 23 мая (5 июня) Энквист направил Николаю II телеграмму с описанием Цусимского боя [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 4–5]. На следующий день поступило распоряжение из Вашингтона: русским кораблям предлагалось либо покинуть Манилу через 24 часа, либо разоружиться [Поленов 1987: 131]. 24 мая (6 июня) Энквист телеграфировал в Морское министерство: «Американское правительство не разрешает исправление повреждений на крейсерах иначе, как под условием не участвовать более в войне, уйти же в таком состоянии считаю опасным — японские крейсера по слухам уже крейсируют у входа, а местные власти требуют немедленного ответа» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 2]. В ответной телеграмме из Санкт-Петербурга, пришедшей на следующий день, адмиралу разрешалось «дать обязательства американскому правительству не участвовать в военных действиях». 26 мая (8 июня) американские власти помимо подписки о неучастии в войне потребовали сдать замки с корабельных орудий и частично разобрать машины, чтобы исключить несанкционированный выход крейсеров из Манилы [Поленов 1987: 131–132]. «Амери-

канское правительство потребовало отдачи на хранение оружейных замков и честного слова, что экипажи не покинут порта без разрешения местных властей», — телеграфировал Энквист в Санкт-Петербург [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 11]. Адмирал заявил протест, но 27 мая (9 июня) русские корабли вынуждены были разоружиться. Через несколько дней после заключения необходимых контрактов начался ремонт крейсеров.

Чтобы не допустить цинги и укрепить здоровье людей, Энквист разрешил закупать для команд свежую зелень, а больным матросам дозволялись прогулки на берегу. В июне 1905 г. посол России в Вашингтоне обратился в госдепартамент за разрешением для госпитального судна «Кострома», посланного из Шанхая в Манилу, забрать оттуда раненых и больных русских моряков. Госсекретарь Дж. Хэй сообщил в ответ, что их отправка на родину возможна только при условии, что каждый из отъезжающих даст обещание не участвовать в продолжавшейся войне [Papers 1905: 790–791]. По утверждению Кассини, он лично обращался к президенту Т. Рузвельту, «который предписал американским властям в Маниле разрешить “Костроме” отвезти раненых и больных морских чинов в Россию» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3374. Л. 35].

Тем временем на настроении команды начали сказываться известия о революции в России. 24 июня (7 июля) Энквист докладывал в Санкт-Петербург: командующий Филиппинской эскадрой Рейтер попросил собрать на «Авроре» командиров кораблей и «рассказал нам о слухах, циркулирующих в городе, относительно брожения в нашей команде и спрашивал, может ли быть, по нашему мнению, какое-либо основание таким толкам. Я поспешил вместе с командирами успокоить адмирала, т.к. считал, что команда нашего отряда всем своим поведением не дает повода подозревать какое-либо нежелательное направление». «Вообще, должен сказать, что хотя падение дисциплины и не замечается, но трудноато все-таки держать команду в строгом повиновении», — добавлял адмирал. На кораблях участились случаи проявления грубости со стороны матросов и рукоприкладства со стороны офицеров. Флаг-офицер Энквиста лейтенант А.С. Зарин отмечал в своем дневнике, что со стороны команды «волей и инициативой обладает самый дурной элемент» [Поленов 1987: 133–134].

По распоряжению из Санкт-Петербурга в июле 1905 г. новый посол России в Вашингтоне Р.Р. Розен обратился в госдепартамент с просьбой отпустить на родину ревизора с «Авроры» мичмана М.Л. Бертенсона, отец которого был личным врачом императора, а брат погиб при Цусиме [Papers 1905: 792]. Вскоре после этого временно исполняющий обязанности госсекретаря Э. Эдди сообщил Розену, что командующий американской эскадрой на Филиппинах получил от Энkvиста запрос о возможности отправки в Россию двух больных лейтенантов и трех мичманов, поскольку «человечность требует уехать из этого климата». Правительство США не возражало, но ставило предварительным условием обследование офицеров американской медицинской комиссией [Papers 1905: 793]. В сентябре разрешение вернуться на родину получили мичман Бертенсон, водолазный офицер с «Авроры» мичман В.В. Яковлев, старший артиллерийский офицер «Авроры» лейтенант А.Н. Лосев и старший флаг-офицер командующего отрядом лейтенант Д.М. Ден [Papers 1905: 794].

Во время пребывания в Маниле на «Авроре» регулярно проводились общие собрания офицеров отряда, на которых обсуждались результаты русско-японской войны и производился их критический анализ. На основе этих обсуждений был подготовлен доклад «Каким быть флоту», направленный Энkvистом в Главный морской штаб России. За месяцы вынужденной стоянки русские моряки пережили эпидемию холеры, от которой умерли два моряка с «Олега», и настоящий тропический тайфун, который крушил постройки, сносил крыши домов, выворачивал с корнями деревья, ломал телеграфные столбы и опоры линии электропередачи. Под воздействием стихии город погрузился во мрак. 26 сентября (9 октября), когда Манилу достигло известие о ратификации Портсмутского мирного договора, американские власти вернули русским морякам оружейные замки, на следующий день была проведена проба машин, а к 30 сентября (13 октября) крейсера завершили ремонт и прием необходимых запасов [Поленов 1987: 135–136]. 14 (27) октября 1905 г. «Жемчуг» ушел во Владивосток, а на следующий день Манилу покинули «Аврора» и «Олег», направлявшиеся в Сайгон и далее в Россию [Papers 1905: 795].

К концу пребывания русских крейсеров в филиппинских водах на «Аврору» прибыл новый командир капитан 2 ранга В.Л. Барщ. Временно исполнявший обязанности командира крейсера А.К. Небольсин получил назначение на должность военно-морского агента в Вашингтоне и 9 (22) октября 1905 г. отбыл с Филиппин к новому месту службы [Papers 1905: 792; Поленов 1987: 136]. «При моем путешествии из Манилы в Санкт-Франциско, мы прошли очень близко острова Midway, причем мною была снята прилагаемая сюда фотография», — сообщал Небольсин в одном из своих первых донесений. На его рапорте имеется пометка: «Американский кабель на Филиппины проложен через этот остров» [РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. № 4058. Л. 1].

Первые годы XX столетия вошли в историю Филиппин под названием «эра Тафта» (1901–1913). Опытный юрист и политик из Огайо У.Г. Тафт внес большой вклад в «умиротворение» архипелага после его завоевания американскими войсками и в устройство управления новым владением США. В 1901 г. он был назначен первым гражданским губернатором Филиппин. Тафт продолжал интересоваться Филиппинами и определять филиппинскую политику США после назначения в феврале 1904 г. военным министром США, поскольку архипелаг находился под управлением его ведомства, и позднее, после избрания на пост президента США. В июле 1905 г., в разгар русско-японской войны, именно он вел переговоры в Токио, итогом которых стало секретное соглашение Тафта-Кацура. В обмен на признание прав США на Филиппины Вашингтон признал «особые права» Японии в Корее. Из Токио военный министр США направился в Манилу, где выступил с программной речью о принципах филиппинской политики США. Это выступление нашло отражение в подробном докладе А.К. Небольсина «О Филиппинских островах» от 25 ноября (8 декабря) 1905 г., который он подготовил по прибытии в Вашингтон [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3405. Л. 1–38]. Как сообщалось в итоговом рапорте Энkvиста, Филиппины «восторженно приветствовали» Тафта, имевшего «большую популярность среди местного населения». Русских офицеров неоднократно приглашали на приемы в его честь. «Г. Тафт был всегда отменно любезен и никаких политических вопросов

в разговоре со мной не затрагивал», — отмечал российский адмирал, также обративший внимание своего правительства на филиппинскую речь военного министра США [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 3403. Л. 7]. В последующие годы военно-морское ведомство России продолжало следить за положением дел на Филиппинах в контексте международного, прежде всего японо-американского, соперничества на Дальнем Востоке.

Осенью 1907 г. маршрут кругосветного путешествия Тафта связал Манилу и Санкт-Петербург. Первоначальной целью его поездки было присутствие на открытии первой Законодательной ассамблеи Филиппин. Новый визит Тафта на Филиппины также нашел отражение в донесении Небольсина от 30 октября (12 ноября) 1907 г., озаглавленном «Японо-американский конфликт и Филиппины» [РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. № 4072. Л. 123]. Затем Тафт посетил Японию, Китай и проехал от Владивостока через всю Россию. Во время пребывания в российской столице военная делегация США была принята Николаем II. 21 ноября (4 декабря) 1907 г. в царскосельском Александровском дворце в «10 ч. имели честь представляться Его Величеству Военный Министр Северо-Американских Соединенных Штатов Г. Уильям Тафт и Генерал Кларенс Эдвардс» [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 53]. В тот же день в Царском Селе происходил «Церковный парад в Высочайшем присутствии л. гв. Семеновскому полку» и другим частям, а затем последовал «Высочайший завтрак в Большом Царскосельском Дворце», на который император пригласил своих американских гостей [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 53об.–56]. За праздничным столом Тафт занял почетное место по правую руку от российского самодержца [РГИА. Ф. 516. Оп. 2. № 224. Л. 57].

В ходе состоявшейся во время завтрака беседы военный министр США обсуждал с императором России устройство Филиппинской ассамблеи и Государственной Думы [Murray 1909: 358]. Разговор завязался после того, как Николай II, упомянув российскую Думу, затронул вопрос о том, насколько «непросвещенный народ способен участвовать в управлении». Это замечание дало Тафту повод провести сравнение между Думой и Филиппинской ассамблеей. Николай проявил заметный интерес к американско-

му опыту на Филиппинах и, когда Тафт упомянул об ограничении числа избирателей, установленном властями США, он отметил, что состав филиппинского электората был более узким, чем в России. По этой причине, полагал император, филиппинский план формирования представительного органа был лучше российского. Обмен мнениями по этому вопросу завершил беседу Тафта с царем [Minger 1963: 155–156]. Трудно сказать, насколько информация Тафта заинтересовала правительство России, но вскоре библиотека Государственной Думы пополнилась двухтомным докладом Филиппинской комиссии военному министру, опубликованным в 1908 г. Ныне это уникальное издание хранится в Российской Национальной библиотеке [Report 1908].

Литература

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Оп. 470. № 110.

Бакунин 1902 — Бакунин М.М. Тропическая Голландия. СПб.: Типография А.С. Суворина; 1902.

Гончаров 1986 — Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука; 1986. Красный архив 1932 — Красный архив. 1932. Т. 3.

Морской сборник 1856 — Морской сборник. 1856. № 1.

Новиков-Прибой 1963 — Новиков-Прибой А.С. Цусима. Кн. 2 // Новиков-Прибой А.С. Собр. соч. М.: Правда; 1963. Т. 4.

Носков 1998 — Носков В.В. Разведка на атоллах (Русский флот в Океании. 1804–1903) // Россия в XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 245–257.

Поленов 1987 — Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л.: Судостроение; 1987.

Римский-Корсаков 1980 — Римский-Корсаков В.А. Балтика — Амур. Хабаровск, 1980.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 1. № 3374, № 3403, № 3405; Ф. 418. Оп. 1. № 4058, № 4072.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 516. Оп. 2. № 224.

Россия и США 1980 — Россия и США: становление отношений, 1765–1815. М.: Наука; 1980.

Русский биографический словарь 1905 — Русский биографический словарь. Т. Дабелов — Дядьковский. СПб., 1905. С. 468–469.

Сулига 1994 — Сулига С.В. Крейсер «Владимир Мономах». М.: Наваль, 1994.

Энгельгардт 1986 — Энгельгардт Б.М. «Фрегат “Паллада”» // Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука; 1986. С. 722–760.

Annual Reports 1905 — Annual Reports of the Navy Department, 1905. Washington: GPO, 1906.

Dobell 1842 — Dobell P. Sept années en Chine. Nouvelles observations sur set empire, l’archipel Indo-Chinois, les Philippines et les iles Sandwich. Traduit du russe par le prince Emmanuel Galitzin. Paris: Librairie d’Amyot, 1842.

Minger 1963 — Minger R.E. William Howard Taft’s Forgotten Visit to Russia // Russian Review. Vol. 22. No 2 (April 1963). P. 149–156.

Murray 1909 — Murray R.H. Around the World with Taft. Detroit: F.B. Dickerson C°, 1909.

Papers 1905 — Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1905. Washington: GPO, 1906.

Report 1908 — Report of the Philippine Comission to the Secretary of War. 1908 Pts. 1–2. Washington, 1908.